

НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ж.М. Омашева

Карагандинский государственный медицинский университет
ул. Ерубаетова 32, Караганда, Казахстан, 100008
omzhan@mail.ru

Статья посвящена изучению названий лекарственных травянистых растений в казахском языке с точки зрения их происхождения. Материал для исследования извлечен путем сплошной выборки из этимологических, толковых, двуязычных и трехязычных словарей. Применяются этимологический и сопоставительный методы. В процессе этимологического анализа автор выявляет происхождение казахских фитонимов, проводит параллели с древнетюркскими, арабскими, персидскими, монгольскими наименованиями лекарственных трав, рассматривая альтернативные точки зрения на их происхождение. Этимологические характеристики казахских названий лекарственных травянистых растений свидетельствуют о культурных и исторических связях народов с древнейших времен.

Ключевые слова: названия лекарственных травянистых растений, этимологический аспект, фитоним, тюркские заимствования, наименования общетюркского происхождения, парсизм, монгольские заимствования, арабские заимствования

ВВЕДЕНИЕ

Изучение словарного состава языка в различных аспектах — одна из важнейших задач языкознания. Обращение к исследованию названий лекарственных травянистых растений продиктовано повышенным интересом современной лингвистики к таким аспектам языковых единиц, в которых находят выражение особенности мировосприятия и мировидения этноса, позволяющие глубже проникнуть в историю языка.

В казахстанской лингвистике исследуются различные аспекты фитонимической лексики. Так, ономазиологический и мотивационный аспекты стали предметом исследования Г.И. Уюкбаевой [Народные наименования растений 1983]; проблеме системных отношений названий растений в казахском языке посвящена работа Б. Калиева [Лексико-семантическая и морфологическая структура названий растений в казахском языке 1996]; этнолингвистический аспект в устойчивых сочетаниях изучен Ш. Сеитовой [Өсімдікке байланысты тұрақты тіркестерінің этнолингвистикалық сипаты», 1999], явление мотивированности языкового знака рассмотрено У.Б. Адилбаевой [Қазақ тіліндегі өсімдік атауларының уәжділігі 2001]; ономазиологический и когнитивный аспект изучен Г.А. Омарбековой [Неміс және қазақ тілдеріндегі фитонимдерді құрылымдық, ономазиологиялық зерттеу 2004].

Наша работа посвящена исследованию этимологического аспекта казахских названий лекарственных травянистых растений. Источником материала исследо-

вания послужили словари: этимологические (Э.В. Севортян, 1974); толковые (Л.З. Рустемов, 1989; Н. Ондасынов, 1974), двуязычные (М.Н. Османов, 1983); трехязычные (К.Д. Рахимов, Б.А. Исакова, 2003), Древнетюркский словарь (1960—1963); 1969; монографические исследования Ш. Сарыбаева (2000), Б. Калиева (1986) и др.

ФИТОНИМЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Фитонимы издавна функционируют в лексико-семантической системе казахского языка, выполняя номинативную, прагматическую и оценочную функцию. Названия лекарственных травянистых растений (далее — НЛТР) казахского языка входят в тематическую группу **Растения** и составляют определенный пласт лексики общелитературного казахского языка, отмеченный в древних и средневековых памятниках тюркской письменности.

Так, Б. Калиев выделяет древние названия общетюркского происхождения и собственно казахские наименования, которые образовались после становления национального языка казахов. В словаре Махмуда Кашгари мы обнаружили свыше 30 древнетюркских наименований лекарственных трав, близкие по значению и фонетическому звучанию к казахскому языку: *uip* (*egir*) — ‘аир’, *андыз* (*anduz*) — ‘девясил’, *жусан* (*jarcan*) — ‘полынь’, *құлмақ* (*qulmaq*) — ‘хмель’, *сарымсақ* (*sarumsaq*) — ‘лук горночесночный’, *жұпар* (*jurar*) — ‘душица’, *қарамық* (*qaramuq*) — ‘гречиха’ *қабақ* (*qabaq*) — ‘тыква’, *бұрыш* (*buris*) — ‘перец’, *қышы* (*qisi*) — ‘горчица’, *шүйгін* (*shivgin*) — ‘валерьяна’, *жалбыз* (*jarpuz*) — ‘мята’ и др. [Кашкари 1960—196: 35, 40, 56, 58, 145, 320, 430, 502, 520, 546, 590].

Схожие тюрко-казахские названия были отмечены учеными в памятнике древнекипчакского языка «Кодекс Куманикус», составленном на латинской основе в 1303 г. миссионерами. В нем отражен разговорный язык западной ветви кипчаков: *арпа* (*arpa*) — ячмень, *бурч* (*buris*) — ‘перец’, *қабақ* (*qabaq*) — ‘тыква’, *сарымсақ* (*sarumsaq*) — ‘лук горночесночный’ и т.д.

НЛТР общетюркского происхождения, близкие по семантике и различающиеся по фонетическим признакам, можно обнаружить и в лексике тюркских языков в настоящее время:

Таблица 1

Сравнительный анализ НЛТР в тюркских языках

Казахский язык	Каракалпакский язык	Ногайский язык	Киргизский язык	Уйгурский язык	Азербайджанский язык	Туркменский язык
алабота	алабота	алабота	алабота	лайла		селма
бидай	бидай	бийдай	буудай	буғдай	буғда	буғдай
жусан	жусан	йувсан	эрмен	аман	йовшан	йовшан
сарымсақ			сарымсақ	сарымсақ	саримсаг	сарымсақ

СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

Среди древних наименований лекарственных трав по структуре выделяются в основном односоставные: *жалбыз* ‘мята’; *ошаган* ‘татарник колючий’; *айыр* ‘аир болотный’; *жантақ* ‘колючка’ и др. НЛТР позднего происхождения образованы

морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим способами. Например, *қырықбуын*: — кырық ‘сорок’ + буын ‘узел’ — ‘хвощ’; *дала қырықбуыны* ‘хвощ полевой’; *дала қырықбуынның шөбі* ‘трава хвоща полевого’, *алқа* ‘паслен’ и под.

Наличие в казахском языке НЛТР, функционировавших параллельно в тюркском, арабском и персидском языках, отмечается многими учеными. Так, в словаре А.К. Курышжанова мы отметили 3 слова: *йувишан/жусан* ‘полын’; *арпа* ‘ячмень’; *бугдай/бидай* ‘пшеница’ [Курышжанов 1970: 52].

В толковом словаре арабско-иранских заимствований зафиксированы следующие НЛТР: *әфһйун/атиын* ‘мак снотворный’; *бәһәр/бұрыш* ‘перец’ [Рустемов 1989: 54].

В персидско-казахском толковом словаре Н. Ондасынов упоминает следующие названия: *бидә/беде* ‘клевер’; *зирә/зире* ‘тмин’; *зәгир/зыгыр* ‘лен’; *күкнар/көкнар* ‘мак’; *күчәлә/күшала* ‘эминимум’; *бәңги диуана/меңдуана* ‘белена’; *пияз/пияз* ‘лук’; *тамир дәру/тамырдәрі* ‘чемерица’; *морч/бұрыш* ‘перец’; *сәбз/сәбзи* ‘морковь’; *тирнақгол/тырнақгүл* ‘ноготки’; *түймәгол/түймегүл* ‘просвирник’; *сумәләк/сүмелек* ‘живокость’; *конджед/кунжіті* ‘кунжут’; *хадраспан/адыраспан* ‘гармала’; *хиар/қияр* ‘огурец’ [Ондасынов 1974: 70, 73, 77, 84, 161, 168, 224, 226].

В персидско-русском словаре М.Н. Османова — 2 названия: *риванд/рауғаш* ‘ревень’, *занджабил/жанжабил* ‘имбирь’ [Османов 1983: 24, 320]. По мнению Б. Калиева, названные НЛТР существовали параллельно в арабском и персидском языках: *адыраспан/хадраспан* ‘гармала’; *беде/бидә* ‘клевер’; *бұрыш/морч* ‘перец’; *зыгыр/зәгир* ‘лен’; *көкнар/кунар* ‘мак’; *күшала/күчәлә* ‘эминимум’; *меңдуана/бәңги диуана* ‘белена’; *пияз/пияз* ‘лук’ и др. [Калиев 1986: 93].

ФИТОНИМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Исследуя фитонимы с историко-типологической позиции в азербайджанском языке, Э.С. Кулиев пишет: «Процесс взаимообмена лексикой был обусловлен интенсивными этнолингвистическими взаимосвязями в период массового передвижения тюркских племен и племенных объединений в гущу ирано- и арабоязычной среды начиная с V—VI вв. Эти этнолингвистические взаимосвязи еще более усилились в средневековье, когда тюркские народы постепенно начали принимать ислам, а через него и арабскую письменность» [Кулиев 1988: 22]. В работе «Фитонимы в азербайджанском языке» он проводит параллели между азербайджанским и другими тюркскими языками. При этом за основу берутся тюркские аффиксы **а*η>аη** как архетип. Этот процесс наблюдается и в казахских НЛТР. Например, вариант архетипа **аη** перешел в формант **ай**: *биүдај* — *бидай*. Указанная форма имеется в персидском языке: *һотай* — *һұмай*, *құмай* (‘сорго’).

Огромный пласт фитонимической лексики арабо-персидского происхождения встречается в работах Абу Райхана Беруни «Сайдани» и Абу Али Ибн Сины «Канон врачебной науки». В «Каноне» Авиценна систематизировал все знания о растениях, которые использовались в греческой медицине. Например, арабское слово

эфһийун (*апиын*) в значении ‘мак снотворный’ используется в современной казахской медицине наряду со словом *көкнәр*. В «Каноне врачебной науки» встречаются НЛТР арабского происхождения, вошедшие затем в состав лексики казахского языка с небольшими фонетическими изменениями. Например, *запыран* < *зафгаран* ‘шафран’; *жанжабіл/жемжебіл* < *занджабил* ‘имбирь’; *пияз* < *бияз* ‘лук’, *қара меңдуана* < *бандж* ‘белена’; *қара қыша* < *хардал* ‘горчица черная’; *ақит жүзім* < *фашира* ‘переступень белый’; *үлкен жолжелкен* < *лисан ал-хамал* ‘подорожник большой’; *дәрілік нарқайсар* < *рил-л-хамале* ‘вербена лекарственная’ и др.

В составе НЛТР выделяются также парсизмы, которые давно вошли в состав лексики казахского языка и не воспринимаются как заимствованные: *көкнәр* < *кукнар* ‘мак’; *бұрыш* < *морч* ‘перец’; *зыгыр* < *загир* ‘лен’; *пияз* < *пияз* ‘лук’; *сәбіз* < *сәбз/сәбзи* ‘морковь’; *беде* < *бидә* ‘клевер’; *джухари* ‘кукуруза’; *тырнақұл* < *тирнақол* ‘ноготки’; *зире* < *зирә* ‘тмин’; *тамырдәрі* < *тамирдару* ‘чемерица’ и т.д.

Прекрасным литературным памятником XV в., в котором имеются сведения, касающиеся языка, культуры, истории, философии, психологии, астрономии, этнографии и этики, является медицинский сборник «Шипагерлік баян». Автор книги Отебойдак Тлеукабылов был глубоко образованным человеком, знакомым с литературой на арабском и персидском языках и, в частности, с произведениями Абунасыра Аль-Фараби. Книга содержит энциклопедические знания о медицине, с указанием болезней и методов их лечения. Он упоминает около 859 видов лечебных растений и способов их применения: «...Собирали цветки эминиума, гвоздики, затем отваривали и сцеживали, готовя отвары и настойки. Настойку пили внутрь, а отвар использовали в качестве наружного средства» [Тілеукабылұлы 1996: 230].

Относительно небольшое количество НЛТР было заимствовано из монгольского языка. Однако вопрос о тюркско-монгольских языковых отношениях является спорным, в частности, проблема, касающаяся казахско-монгольских отношений. Ученые (Н.А. Баскаков, Б.Я. Владимирцов, Ч. Валиханов, Ц.Д. Номинханов, Г.Д. Санжеев, Ш. Сарыбаев) высказывали гипотезу о родстве тюркских и монгольских языков. Сходство и близость монгольских, тюркских и маньчжуро-тунгусских языков в области лексики и грамматического строя Б.Я. Владимирцев считал результатом их общего происхождения из единого праязыка: «На родственную связь между языками монгольскими, тюркскими и тунгусскими указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, в частности морфологии этих языков» [Владимирцев 1929: 46]. Это значит, что монгольский и тюркский языки представляют собой две различные формы развития одного общего языка, который восходит к алтайскому. Г.Д. Санжеев полагал, что идея алтайского праязыка является не более чем гипотезой: «Родство так называемых алтайских языков является очень вероятной гипотезой, которая в настоящее время всеми нами принята, но оно все же имеет значимость только гипотезы, которая до сих пор научно еще не доказана» [Сарыбаев 2000: 144]. В пользу данной гипотезы высказывались и историки. Так, Мурат Уали в статье «Праязыки Великой Степи» выдвигает предположение о том, что праалтайский язык формировался в восточной Азии 11—10 тыс. лет назад среди местных монголоидов: «Географи-

ческая локализация прародины также еще окончательно не ясна. Возможно, это Маньчжурия, а возможно — таежная часть восточной Сибири. При распаде праалтайского языка в V тысячелетии до н.э. возникают «материковая» (тюркомонгольский и тунгусоманьчжурский) и «береговая» (японо-корейские) ветви. Затем из «материковой» ветви в IV—III тысячелетии до н.э. стали выделяться пратюркомонгольские племена. Следуя за табунами диких лошадей и верблюдов, они мигрировали из таежной Сибири в образующиеся сухие монгольские степи. Здесь от тюрко-монгольского отделяется тюркский язык» [Мурат 2012: 27].

В книге «Вопросы казахского языкознания» Ш. Сарыбаев приводит примеры названий растений, имеющие сходства в монгольском и казахском языках: *буудуй/бидай* ‘пшеница’; *өлөн/өлең* ‘название малопитательной травы’; *сарымсаг/сарымсақ* ‘чеснок’; *хияг/қияқ* ‘пырей’; *хуурай/құрай* ‘тростник’; *буурцаг/бұршақ* ‘горох’» [Сарыбаев 2000: 151].

Д.Б. Мирзаханова в работе «Фитонимическая лексика азербайджанского языка» также проводит параллели с монгольским языком: «Азербайджанская основа *bugday* «пшеница» имеет в тюркских и монгольских языках широкие параллели, кум. *будай*, уйг. *пук-тай*, каз. *бидайи* т.д. В монгольских языках эта же основа дает множество производных и составных терминов, ср. калм. *будаа* «зерновой хлеб», *шарабудаа* «просо», *цагаанбудаа* «рис», калм. *будаа/н/* «крупа, каша», *гурвалжи нбудаа* «гречневая крупа», *цагаанбудаа* «рис», кар. *будаа* «просо», *будаа* «манная крупа», шар. *будаа* «пшено», *будаатай* «крупяной, рисовый», *будаатай хуурга* «пилав», *будаатай шел* «рисовый суп, крупяной суп», бур. *будаа* «крупа», *сагаанбудаа* «рис», *упаанбудаа* «просо», *шара будаа* «пшено», пмонг. *бугудай* «пшеница». Семантически тюркская основа *бугдай*, видимо, также восходит к корневому *бут* со значением «колос» — «острие, острый конец, колосок». Этот корень представлен в составе межтюркской основы *буг=да* «нож», ср. башк. *боиза* — *богда*, ног. *мийда* — *богда* «нож». В плане фонетики такой переход (-г--и-) является для тюркских языков вполне закономерным. В ряде тюркских языков корневой согласный утрачивается, ср. кум. *будай* из праформы *бугдай*» [Мирзаханова 2007: 14]. Азербайджанская основа *бурчаг* «горох» является общетюркской основой, имеющей древние параллели и в монгольских языках: каз. *буршак*, кирг. *буурчак*, уйг. *пучок*, г.-алт. *мырчак*, туркм. *бурчак*, коман. *бурцак* «горох», тур. *бурчак*, чув. *пурчай* «горошина», монг. *буурцаг*, пмонг. *бугурцаг*, бур. *буурсаг* и т.д. [Мирзаханова 2007: 15].

Б. Калиев, сопоставляя лексический материал словарей казахского и монгольского языков, обнаружил 32 фонетически и семантически сходных названий растений. Мы обратили внимание на названия лекарственных растений: «*арпа* — *арвай* ‘ячмень’; *бидай* — *буудай* ‘пшеница’; *бұршақ* — *буурцаг* ‘перец’; *қалақай* — халгай ‘крапива’; *қарамық* — *хармаг* ‘гречиха’; *сарымсақ* — *саримсаг* ‘чеснок’; *тобылғы* — *тавилга* ‘таволга’ [Калиев 1986: 59].

По мнению В. Котвич, такие слова, как *арпа* (‘ячмень’), *тобылғы* (‘таволга’), *бидай* (‘пшеница’), очевидно, были заимствованы монгольскими языками из тюркских» [Котвич 1962: 95]. Данное предположение основывается на том, что фонети-

ческий состав этих слов в большей степени соответствует закономерностям тюркских языков. Некоторые из них зафиксированы в «Диване» Махмуда Кашкарского (XI в.): *virshaq*, *samursaq*, *qaramuq*, т.е. имеют общетюркское происхождение. Что касается слов *қалақай* (крапива), *шыралжын* (полынь эстрагон), то, возможно, по звуковому обозначению и грамматическому оформлению их следует отнести к монголизмам. Указанные примеры свидетельствуют о наличии тюрко-монгольских элементов в НЛТР. Однако чисто фонетические сопоставления тюркских и монгольских основ в отрыве от морфолого-семантических сопоставлений могут привести к ошибочному мнению. Мы согласны с мнением Э. Севортыана: «Фонеморфологическое и семантическое совпадение какой-либо тюркской и монгольской основ далеко не всегда является свидетельством заимствования основы из монгольских в тюркские или же наоборот, хотя взаимные заимствования между названными языками с древнейших времен не подлежат сомнению» [Севортыан 1974: 45].

Тем не менее, большая часть заимствованных НЛТР казахского языка — это слова, перешедшие из русского и западноевропейских языков и вошедшие в казахский язык до Октябрьской революции и в послеоктябрьский период. Например, *шалтей/шалти/шалти* ('шалфей'), *шәуіл/шәулі* ('щавель'), *сібеклә* ('свекла'); *валерьяна*, *женьшень*, *маис*, *термопсис*, *астрагал*, *анис* и др. Другая группа заимствований — экзотизмы, характеризующаяся выраженным колоритом: *нард*, *колоцинт*, *кава-кава* и другие.

НЛТР с латино-греческой основой из русского языка перешли в казахскую ботаническую номенклатуру и стали функционировать в качестве самостоятельных лексических единиц. В словаре К.Д. Рахимова, Б.А. Исаковой такие названия сохраняют свой фонетический и семантический облик либо к ним добавляется казахский эквивалент: *авран — авран*, *адонис — адонис*, *анис — анис*, *амми — амми*, *арника — арника*, *каланхое — каланхое*, *рута — рута*; *термопсис — термопсис*», *эхинацея — эхинацея*» [Рахимов 2003: 8—10, 29, 60, 66, 5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование показало, что в состав НЛТР казахского языка вошли слова тюркского, персидского, арабского и монгольского происхождения. Среди заимствованных НЛТР выделяются группы названий, перешедшие из русского и западноевропейских языков. В научном дискурсе функционируют фитонимы-термины с латино-греческой основой.

© Омашева Ж.М.

Дата поступления: 12.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Владимирцев Б.А. (1929). Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия [Vladimirtsev B.A. Comparative Grammar of the Mongolian written language and Khalkha dialect]. Ленинград.

2. Қашқари М. (1960—1963). Девону лұғот ит түрк [Kashkari M. Devony lygot it turk]. Ташкент.
3. Калиев Б. (1986). Лексико-семантическая и морфологическая структура названий растений в казахском языке [Kaliev B. Lexical and semantic and morphological structure of plants' names in the Kazakh language]. Алматы.
4. Котвич В. (1962). Исследование по алтайским языкам [Kotvich V. Study on the Altai language]. Москва.
5. Құрышжанов Ә. (1970). Исследование по лексике «Тюрско-арабского языка» [Kurysh-zhanov A. Study on vocabulary of "The Turkic and Arabic languages"]. Алматы: Наука.
6. Кулиев Э.С. (1988). Фитонимы в азербайджанском языке [Kuliev E.S. Phytonyms in the Azerbaijani language: it turk]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку.
7. Мирзаханова Д.Б. (2007). Фитонимическая лексика азербайджанского языка (в сравнении с другими тюркскими языками) [Mirzakhanova D.B. Phytonymic vocabulary of the Azerbaijan language (in comparison with other Turkic languages)]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала.
8. Мурат У. (2012). Праязыки великой степи [Murat U. The parent language of the great steppe] // Сб. статей «Свобода слова». Алматы.
9. Ондасынов Н. (1974). Парсыша-казақша түсіндірме сөздік [Ondasynov N. Persian-Kazakh explanatory dictionary]. Алматы.
10. Османов М.Н. (1983). Персидско-русский словарь [Osmanov M.N. Persian-Russian dictionary]. Москва.
11. Рахимов К.Д., Исакова Б.А. (2003). Русско-казахско-латинский словарь растений, используемых в медицине и биологии [Rakhimov K.D., Isakova B.A. Russian-Kazakh-Latin dictionary of plants used in medicine and biology]. Алматы.
12. Рустемов Л.З. (1989). Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствований [Rustemov L.Z. Kazakh-Russian explanatory dictionary of Arab-Iranian borrowings]. Алматы.
13. Сарыбаев Ш. (2000). Қазақ тіл білімі мәселелері. Вопросы казахского языкознания [Sarybaev Sh. Kazakh til bilimi Maseleleri. The Kazakh linguistics problems]. Алматы: Арыс.
14. Севортян Э.В. (1974). Этимологический словарь тюркских языков [Sevortyan E.V. Etymological dictionary of Turkic languages]. М.: Наука.
15. Тілеуқабылұлы Ө. (1996). Шипагерлік баян. Араб қарпінен көшіргендер [Tleukabyluly O. Shipagerlik bayan. Arab karpinen koshirgender]. Алматы: Жалын.

MEDICINAL HERB NAMES IN THE KAZAKH LANGUAGE FROM THE ORIGIN VIEWPOINT

Zh.M. Omasheva

Karaganda State Medical University
32, Erubayeva st., Karaganda, Kazakhstan, 1000008
omzhan@mail.ru

The article is devoted to the study of medicinal herbal plant names in the Kazakh language. The aim of the article is to research medicinal herbal plant names in Kazakh from the origin viewpoint. At the beginning of the article there is a brief description of the works of the Kazakhstan scientists who inves-

tingated various aspects of phytonymic vocabulary and there are the researchers' opinions regarding the Mongolian, Arab and Persian borrowings. The research material was only taken by selection way from the etymological, explanatory, bilingual and trilingual dictionaries. The etymological and comparative methods were used in the work. During the etymological analysis the author has revealed the origin of the Kazakh phytonyms and drawn parallels with the ancient Turkic, Arabian, Persian and Mongolian names of medicinal herbs considering the alternative points of view on their origin. The etymological characteristics of the Kazakh names of medicinal herbal plants show the cultural and historical ties of peoples since ancient times.

Key words: medicinal herbal plant names, etymological aspect, phytonym, Turkic borrowings, names of common Turkic origin, parsism, Mongolian borrowings, Arabian borrowings